

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Семья
и семейные
обряды
у народов
Средней Азии
и
Казахстана

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1978

Традиция семейно-родственных браков у народов Средней Азии

(в порядке дискуссии)

О. А. Сухарева

Многие институты, зародившиеся на ранних этапах истории, в доклассовом обществе, бытуют очень долго. Если они не представляют собой активной силы, противодействующей новым отношениям, то не исчезают, а, переплетаясь с новым и приспосабливаясь к нему, существуют еще многие века в качестве пережитков.

Следы глубокой древности обнаруживаются в брачных и свадебных обычаях народов, переживших не одну смену социально-экономических формаций, а в связи с этим и изменений в бытовом укладе. Несмотря на это, у них нередко сохраняются институты, зародившиеся еще в родовом обществе.

К таким институтам относятся брачные запреты, ограничивающие круг людей, которым разрешено вступать в брак друг с другом, а также обычай обязательного выбора супругов в определенной более или менее узкой среде. Запреты браков с родственниками нередко генетически восходят к родовой экзогамии — запрет браков внутри рода был характернейшей чертой родового общества. Этот институт хорошо изучен и описан у многих народов.

Родовая экзогамия, являвшаяся, по мнению Ф. Энгельса¹, институтом, охранявшим первобытные племена от вредных влияний инцеста и тем самым обеспечивавшим им возможность лучшего развития, была санкционирована впоследствии в той или иной форме мировыми религиями, в частности христианством (особенно православием) и исламом. Она сохранялась в течение многих веков в быту народов, находившихся на разных этапах классового общества, как один из самых стойких пережитков, потерявших уже свое первоначальное рациональное зерно.

Строго запрещаются браки даже между такими дальними родственниками, близость с которыми уже чисто формальна и с точки зрения биологической не является препятствием к браку, не может оказать вредного влияния на потомство. У одних народов запрещаются браки до седьмого колена (армяне, казахи),

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 43.

у других — между всеми, кто носит одно родовое имя или принадлежит к одной родовой группе. Как пишет Т. А. Жданко о каракалпаках, экзогамные запреты «оказываются одним из наиболее устойчивых пережитков общиннородового строя, сохранившимися... до наших дней»². Запреты эти отличаются большой строгостью. У каракалпаков, например (за исключением немногих групп, утративших экзогамию), между мужчинами и женщинами одного рода запрещаются не только браки, но и малейшая вольность в обращении.

В условиях классового общества нормы брачного права у народов Средней Азии, коренившиеся в родовом строе, давно уже сделались глубоким пережитком. Однако древние брачные законы вошли в национальные традиции этих народов и потому до недавнего времени еще соблюдались именно как пережитки.

Наиболее прочно закрепились пережитки отцовского рода: родовая принадлежность считалась по мужской линии, особо почитались отец, его братья и дед по отцовской линии. Семья отца в случае его смерти имела право на его детей, и, если вдова выходила замуж в другую семью, дети оставались в семье отца. Девушка при замужестве уходила, как правило, в семью мужа. Что касается пережитков материнского рода, то они почти полностью исчезли, сохранились лишь слабые их следы. У некоторых народов, например у туркмен, они были иногда вытеснены нормами патриархального родового общества: родство считалось лишь по мужской линии, дядя и племянник по материнской линии за кровных родственников не признавались³.

Наряду с такими экзогамными запретами, связь генезиса которых с родовым строем самая прямая, отдельные группы населения соблюдали запреты, установившиеся в результате деформации родовых законов. Так, у обособленной группы таджиков Самарканда, называвших себя таджиками-хероти, т. е. гератцами, и ведущих свое происхождение из Герата, запрещались браки с детьми дяди с материнской стороны⁴. Понятно, что этот запрет не вытекает ни из отцовского, ни из материнского рода, хотя в нем явственно ощущается связь с последним. Но при закономерном господстве в материнском роде счета родства по линии матери дети ее брата не принадлежали бы к его роду, а следовательно, не должны были входить в круг лиц, подлежащих экзогамным запретам. И тем не менее этот запрет у таджиков-хероти коренится именно в материнском роде. Пережитком его, очень прочно сохранявшимся у них и у многих других народов и этнических групп, был институт авункулата. В Средней Азии широко

² Жданко Т. А. Этнографическая разведка в Чимбайском районе Каракалпакской АССР.— КСИА, 1947, вып. 2, с. 15—16.

³ См.: Иомудский С. Н. О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX в.— СЭ, 1962, № 4, с. 51.

⁴ Полевые материалы автора, 1938 г.

распространена поговорка: «Дядя со стороны матери стоит семи отцов». На основании представления, что брат матери является самым близким родственником, таковыми стали считаться и его дети, именно поэтому они были исключены из круга брачащихся. Конечно, такая деформация родовых порядков стала возможной только тогда, когда материнский род исчез и основную роль стала играть семейно-родовая группа отца.

У некоторых среднеазиатских народов (казахи) жизненными оказались нормы традиционной экзогамии патриархального рода: у них запрещались браки между родственниками по отцу до седьмого колена. Возможно, под влиянием близких соседей — казахов обычай родовой экзогамии существовал и у чиназских узбеков (Ташкентская обл.), запрещавших браки между всеми, кто имеет общего предка (*палончанинг балалари*), пока о нем сохраняется память⁵. У большинства же среднеазиатских народов экзогамные запреты давно исчезли. Национальной традицией сделались браки между двоюродными братьями и сестрами именно по линии отца (*амакбача*), т. е. между мужчинами и женщинами, принадлежащими к одному агнатному роду.

Вопрос о кузенных браках — их распространении, формах, условиях бытования, их влиянии на потомство — является предметом дискуссии в современной этнографии. Необходимы дальнейшая его разработка, привлечение новых материалов по народам Востока, в частности по народам Средней Азии, брачные обычаи которых сохраняют много своеобразных черт, коренящихся в глубокой древности. В числе таких обычаев большой интерес представляют кузенные браки.

Кузенные браки были распространены среди таджиков, узбеков, туркмен. У таджиков Нурата (Самаркандская обл. Узбекской ССР, по материалам А. К. Писарчик) такие браки считали настолько обязательными, что если в роду имелся подходящий амакбача (сын дяди по отцу), а девушку выдавали за постороннего или была девушка-амакбача, а сватали на стороне, это являлось поводом для жестокой обиды и могло привести к разрыву родственных отношений. У горных таджиков и припамирских народов (в Хуфе, Язгулеме, Гороне), по словам М. С. Андреева, «браки между двоюродными братьями и сестрами... являлись наиболее распространенными, главным преимуществом таких браков здесь... считается то, что у поженившихся в этом случае остаются общие предки, не обиженные, а, наоборот, очень довольные таким браком. Поэтому от заключенного брака происходит благодать, вызывающая преуспевание в доме». Очень важно свидетельство М. С. Андреева о том, что брак между детьми братьев считался у хуфцев совершенно обязательным в том случае, если девушка была единственной наследницей своего отца⁶. Что же

касается ссылки на благоволение духов предков, то она свидетельствует только о стремлении поддержать их авторитетом такой порядок, который противоречил законам родового строя и вызывал, как, например, считалось у древних греков, гнев духов предков.

О том, что горные таджики избегают браков с посторонними и «чаще всего берут в жены сестер — двоюродных, троюродных... как со стороны отца, так и со стороны матери», писал И. И. Зарубин. По его наблюдениям, такой брак считался у них «самым нормальным»⁷. Н. А. Кисляков, подводя итог своим исследованиям и данным других авторов, отмечает, что «кузенный брак среди таджиков был распространен в широких масштабах и притом повсеместно» и это «с точки зрения общественного мнения наиболее ортодоксальная форма брака»⁸. М. С. Андреев распространял данное положение на всех «оседлых равнинных жителей Средней Азии (Ташкент, Бухара и др.)», где, по его материалам, «кузенные браки преобладали»⁹. К. Л. Задыхина отметила распространенность кузенных браков у узбеков Хорезма¹⁰, К. Ш. Шаниязов — у узбеков-карлуков. По его словам, самыми предпочтительными у них были браки с детьми дяди по отцу и лишь при отсутствии подходящих женихов и невест — с детьми дяди по матери¹¹. Б. Х. Кармышева сообщает о широком распространении родственных браков у разных по происхождению групп узбеков, Г. П. Васильева — у туркмен. Но больше всего браки между близкими родственниками, преимущественно агнатными, были распространены у таджиков.

Таджики-гератцы (Самарканд) наряду с запретом браков с детьми дяди по матери практиковали браки не только с детьми братьев отца, но и с их вдовами, что у хуфцев, например, запрещалось, хотя и не так строго, как женитьба на вдове дяди по матери.

Насколько браки между детьми братьев были для таджиков обычными, показывает тот факт, что у таджиков Ленинабада (Ходжента) свекра называли *амак* (амак — дядя со стороны отца) и другого термина не было.

Постоянная практика перекрестных браков между родственниками мужа и жены приводила к тому, что все они даже в тех случаях, когда принадлежали к разным *авлодам* (тадж. авлод — группа родственников, состоящая из представителей разных поколений и восходящая к общему предку), в действительности находились в кровном родстве между собой.

⁷ Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. — Сборник МАЭ, 1918, т. V, вып. 1, с. 134.

⁸ Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959, с. 66.

⁹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф, с. 122, примеч. 1.

¹⁰ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. — ТХЭ, 1952, т. I, с. 399.

¹¹ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, с. 141.

⁵ Полевые материалы автора, 1938 г.

⁶ Андреев М. С. Таджики долины Хуф, вып. 1. Сталинабад, 1953, с. 121—122.

Среди таджиков сельской округи Самарканда были записаны сведения о браках в нескольких поколениях одной семьи. Пожилой колхозник из селения Кульбайи поён сообщил, что один сын и три дочери его деда Тохирбая вступили в брак с амакбача, две дочери и два сына — с *тогобача* (детьми брата матери), двое его сыновей были женаты на дальних родственницах. Все семьи были многодетными, так что сейчас насчитывается до двухсот потомков Тохирбая. Его внук, сообщивший эти сведения, получил в жены дочь тетки со стороны матери (*холобача*) и для своих сыновей и дочерей тоже искал пару среди близких родственников. Несмотря на то что браки его детей заключались уже в советское время и молодежь различалась образованием, культурным уровнем, занятиями (некоторые сделались горожанами и порвали с сельской жизнью, другие остались колхозниками), все его дети в вопросах брака подчинялись отцу, который решал их, стараясь устроить семейную жизнь своих детей в соответствии со старыми правилами. Он женил сыновей и выдавал замуж дочерей в возможно более раннем возрасте, и это позволяло ему брать инициативу в свои руки. Естественно, что далеко не все браки оказались удачными. И только когда его старшие дети достигли солидного возраста и положения, отец был вынужден считаться с ними, с их отношением к традиции родственных браков.

Аналогичная картина выявилась при записи сведений о браках в селении Камонгарон Ургутского р-на Самаркандской обл. Так, житель этого селения Одина Азизов, женатый на посторонней, женил сына и выдал замуж одну дочь за их амакбача, вторую — за холобача (сына тетки со стороны матери). Трое его сыновей и одна дочь состоят в браке с неродственниками, причем эта дочь — единственная бездетная. У остальных много детей — 5, 6, 10, 11.

Браки с посторонними бывали преимущественно в тех случаях, когда в среде родственных семей не находилось пары подходящего возраста. При этом условии, как правило, поиски невесты очень осложнялись, так как девушки подходящего возраста во всех семьях были на учете и каждую из них прочили за определенного родственника. Этот вопрос решался родителями еще тогда, когда будущие жених и невеста были совсем маленькими. Таким образом, достигнув брачного возраста, девушки оказывались уже занятыми, а иногда и просватанными с детства. Среди посторонних приходилось искать невесток также в тех случаях, когда семья жениха не пользовалась у родных доброй славой. Так, для трех сыновей одного из братьев упомянутого выше Тохирбая пришлось искать невест на стороне, так как родственники не отдали за них своих дочерей.

Нарушение общепризнанной нормы брака в близкородственной среде до революции чаще наблюдалось в семьях крупных богачей, которые могли не ограничиваться кругом родственников, будучи уверенными, что, куда бы они не послали сватов, им не

ответят отказом. Так, известный самаркандский бай Шокирджан (из квартала Суфи Розык), так же как и его три младших сына, были женаты на посторонних. Но старшего сына он женил на дочери своего брата. Из четырех внуков Шокирджан-бая двое были женаты на двоюродных сестрах, дочерях братьев своих отцов, а двое уже в советское время женились на неродственницах. Три его внучки также вышли замуж за посторонних.

Как видно из изложенного, браки с неродственниками были в быту явлением не эпизодическим. Но материалы показывают, что они считались отклонением от нормы, исключением, причем исключением нежелательным.

Для того чтобы представить себе реальную картину семьи, в которой заключались наиболее ортодоксальные браки (между детьми братьев), надо учесть, что в недавнем прошлом у оседлых и некоторых полукочевых групп населения еще не была изжита большая семья. Пожилые братья, имеющие женатых сыновей, а то и семейных внуков, нередко не отделялись. Уход на сторону взрослого сына был вообще в принципе исключен. Этот закон, пусть не в такой категорической форме, сохранялся в некоторой степени до недавнего прошлого¹². В больших семьях практически нередко оказывалось, что браки между амакбача были браками внутри семейной общины. Восьмидесятилетняя Нарзи-хола из Самарканда, беседа с которой происходила в 1967 г., показывая на свой двор, сказала: «Я отсюда никуда не выходила». Она здесь родилась, была выдана за сына неотделенного брата своего отца и прожила здесь всю жизнь.

Описанная форма эндогамных браков, сложившаяся у народов Средней Азии, которые еще в глубокой древности пережили этап истории, связанный с родовым строем, может быть названа семейно-родственной эндогамией.

Почему же при наличии у этнографических групп всех этих народов прочно сохранявшихся патриархальных порядков, которым должны бы соответствовать экзогамные запреты в отношении агнатных родственников, в их быту сделались нормой браки между двоюродными братьями и сестрами чаще всего именно по линии отца? Что привело к такому вопиющему нарушению родовой экзогамии, которое по законам родового общества приравнивалось к кровосмешению? Почему у оседлых и многих полуседлых в

¹² Большая семья бытовала у таджиков и узбеков еще в первые годы после революции, хотя к началу XX в. она стала уже редкостью. К этому времени сложился ее облегченный тип — неразделенная семья, но братья, если они были пожилыми и имели взрослых женатых сыновей, после смерти отца разделялись. Только в послевоенный период, т. е. к концу 50-х годов, отделение женатых сыновей от семьи отца при его жизни сделалось общепризнанной нормой, хотя некоторые пожилые люди продолжали рассматривать отделение сына как обиду для отца, как нарушение традиций. Это показывает, насколько крепко был большесемейный уклад в дореволюционное время (см.: *Сухарева О. А., Бикжанова М. А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1959, с. 210—213 и сл.).

прошлом земледельцев (карлуки, даштикипчацкие узбеки, туркмены) она обернулась семейно-родственной эндогамией, в то время как у других народов (например, у некоторых народов Кавказа, в частности у армян, а в Средней Азии — у казахов и каракалпаков) сохранился строгий запрет на браки между родственниками, даже когда родство в сущности превратилось уже в миф, а запреты — в предрассудок?

Одна из причин появления обычая близкородственных браков кроется в исторических судьбах населения Средней Азии, формировавшегося из разных компонентов, смешивавшихся между собой. При этом отдельные этнические или локальные группы отрывались от своих сородичей и оказывались в окружении населения, чуждого по происхождению. Если отселившаяся группа не имела возможностей поддерживать постоянные связи с соплеменниками, оставшимися на старом месте, закон племенной эндогамии за отсутствием племенного окружения обращался на членов отделившейся группы, внутри которой и происходили браки. Так как к тому же отселившаяся группа обычно включала в себя родственные семьи, на новом месте браки внутри нее постепенно превращали всех ее членов в самых близких родственников. Что этот путь сложения обычая родовой и даже семейной эндогамии был нередким, показывают многие примеры переселений, засвидетельствованные письменными источниками, а чаще семейными преданиями, которые удается записывать этнографам¹³.

Но главную роль в появлении семейно-родственной эндогамии в Средней Азии, особенно у потомков древних оседлых земледельцев — таджиков и части узбеков, играли причины экономического характера, сходные с теми, которые привели к нарушению родовой экзогамии у древних греков. Вспомним анализ Ф. Энгельсом одной из особенностей их брачного права. При господстве в Древней Греции патриархального рода и соблюдения строгой родовой экзогамии из этого закона делалось одно исключение: если девушка оставалась единственной наследницей семьи, ей предписывалось замужество в своем роде. Это и другие нарушения родовой экзогамии, сделанные в интересах семейной собственности, по мнению Ф. Энгельса, пробили в родовом строе брешь и закономерно привели к его ниспровержению¹⁴.

Общественное развитие, а вместе с тем и развитие собственности у народов Средней Азии — носителей традиций оседлой земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении, — уже много веков назад зашло неизмеримо дальше, чем в Древней Греции. В соответствии с этим «брешь» в родовой экзо-

¹³ Браки в своей среде у переселившихся из других мест групп населения Бухары описаны в работе: *Сухарева О. А.* Бухара XIX — начала XX в. М., 1966, с. 131—132 и сл.

¹⁴ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 100.

гамии появилась здесь значительно раньше и была более ощутима. Эндогамный брак, притом не только внутри рода, но и внутри большой патриархальной семьи, давно уже сделался здесь не исключением, а почти правилом.

Мнение о том, что при установлении обычая родственных браков у народов Средней Азии основную роль играли экономические причины, было уже высказано Н. А. Кисляковым, но он считал, что эти причины заключались в нежелании, во-первых, отпускать из большесемейной общины рабочую силу и, во-вторых, отдавать чужим выкуп за невесту¹⁵.

Такого рода соображения, безусловно, могли иметь место. При опросе они нередко высказывались населением, причем главным образом там, где калым давали скотом и где он был особенно обременителен. В этих условиях стремление облегчить задачу его выплаты вполне понятно. Но это — причина второго порядка. Главное же заключалось в стремлении избежать раздела родового, а позднее семейного имущества в самой важной для земледельческих народов его части — земле, сохранить ее для ведения единого хозяйства. Участок земли, особенно поливной, которым владеет семья, по самой своей природе отличается стабильностью, в то время как скот может размножаться. Поэтому именно раздел земли в неизмеримо большей степени, чем раздел скота, мог подорвать хозяйство. Не случайно господство семейно-родственной эндогамии отмечается больше всего у потомков древних оседлых земледельцев, особенно в районах с искусственным орошением. Среди групп населения, экономика которых зиждилась на земледелии, закономерно существовал обычай браков между детьми тех, кто сообща владел землей, т. е. детьми братьев. Делить хозяйство между наследниками (это шариат возвел в религиозный закон) было невыгодно, а там, где дело осложнялось малоземельем, и вовсе невозможно. Здесь должна была сложиться такая система семейно-родственных отношений, при которой исключался бы раздел земли. Этой системой и стала семейно-родственная эндогамия.

Практика близкородственных браков была характерна также для городского населения центральных районов Среднеазиатского междуречья, в особенности для ремесленников — основного производительного класса феодального города. У них также долго сохранялся большесемейный уклад. В поздний период большая семья бытовала уже в трансформированной, облегченной форме, которую мы условно назвали неразделенной семьей, так как сыновья, женившись, не отделялись. Но братья их отца, имеющие тоже семейных сыновей, в эту семью не входили; они разделялись после смерти своего отца в отличие от большой патриархальной семьи, где раздел принципиально исключался.

¹⁵ *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков, с. 66.

Обычай эндогамии имел в Средней Азии очень древнее происхождение. Фольклор, конечно, не может служить датирующим моментом, но, по свойственной ему традиционности, он отражает явления, достаточно древние по своему генезису. Поэтому небесполезно отметить, что в узбекском дастане о богатыре Алпамыше он и его возлюбленная Барчин изображаются как дети двух братьев — они друг для друга амакбача.

Этот обычай отражен и в исторических источниках. Он засвидетельствован в сочинении XVII в. — жизнеописании джуйбарских ишанов «Матлабат-толибин», в роду которых эндогамные браки были явлением обычным. Экономические соображения в пользу браков в близкородственной среде выступают в этом сочинении совершенно отчетливо. П. П. Иванов, использовавший этот источник, пишет: «Желая избежать дробления своих фамильных имуществ, джуйбарские ходжи заключали браки между близкими родственниками. Этой же тактике следовал и Таджи-ад-дин. Всех своих сыновей, в том числе и старшего, будущего наследника¹⁶ Мухаммед-Юсуфа, ходжа женил на своих племянницах — дочерях Абду-ар-Рахима (своего родного брата. — О. С.). Дочерей он выдал за своих племянников»¹⁷. Конечно, этот пример был бы недостаточно доказательным, чтобы свидетельствовать о массовом распространении кузенных браков, поскольку он касается знатного ишанского рода. Однако он важен для нас, так как подкреплен массовым этнографическим материалом, более поздним, но отражающим древнюю традицию.

Широкое бытование кузенных браков у среднеазиатских народов, принимавшее форму семейно-родственной эндогамии, тем более знаменательно, что практика таких браков находится в противоречии с брачными законами, канонизированными исламом. Шариат запрещает браки до третьей степени родства¹⁸, но у среднеазиатских мусульман были разрешены и стали считаться ортодоксальными браки родственников во второй степени. И, как это ни кажется парадоксальным, практику таких браков некогда укрепил сам ислам. Как известно, по шариату дочери должны были наследовать отцу, как и сыновья, с той разницей, что они получали половинную долю. В условиях господства патриархальных порядков девушка при замужестве переходила в семью мужа, туда попадало и унаследованное ею имущество, и, если она оказывалась замужем за посторонним, род (семья) ее отца терял это имущество безвозвратно, так как наследовавшие ей

дети принадлежали к роду ее мужа. Если бы сохранялся закон родовой экзогамии, согласно которому все женщины уходили при замужестве в чужой род, убыль имущества (в том числе и самого важного — земли) была бы неизбежной и происходила бы постоянно. О том, что выделение части земельного надела в наследство дочерям действительно практиковалось, свидетельствуют многочисленные документы на продажу земли или передачу ее в вакф. Сделка оформлялась от имени женщины, собственницы имущества, лично ею или ее доверенным лицом, каковым выступал брат доверительницы, иногда ее отец или муж¹⁹.

Вопрос о наследовании земли для ведения хозяйства был настолько важен, что древний закон родовой экзогамии, поддерживаемый всем строем патриархальных отношений, оказался не в силах противостоять экономической необходимости и сменился иной системой брачных отношений. Практическая невозможность для хозяйства выделять имущество женщинам вынуждала последних выходить замуж внутри родовой группы, позднее большой семьи.

У некоторых групп населения наблюдался и другой путь решения этой трудной задачи — нарушение законного по шариату права дочерей на наследование имущества после смерти родителей. По сообщению А. К. Писарчик, у припамирских таджиков, земельные наделы которых были ничтожно малы, дочери землю не наследовали. Неправомерность этого все же осознавалась, и был изыскан довольно курьезный способ возмещения потери. У среднеазиатских мусульман мертвых хоронят в саване, состоящем из нескольких неспитых кусков ткани. У припамирских же народов покойницу в качестве вознаграждения за недополученную ею долю наследства снабжали включением в саван полного костюма.

Если определенную роль в укреплении семейно-родственной эндогамии играли особенности мусульманского наследственного права, то корни этого обычая нужно искать гораздо глубже. Прослеживаются они задолго до появления в Передней и Средней Азии ислама. Специально изучившая этот вопрос на материале Ирана сасанидского времени А. Г. Периханян пришла к убеждению, что если «одной из характерных черт агнатических групп в древней Индии (в состав населения которой, как известно, вошли и компоненты, имеющие общее происхождение с древними иранскими племенами. — О. С.)... была их экзогамность», то в Иране «на значительной части территории страны, хотя и далеко не повсеместно, агнатические группы были эндогамны. Брак внутри агнатической группы... упоминается в Авесте в пяти пассажах... Наряду с этим мы располагаем множеством свидетельств

¹⁶ В семьях суфийского высшего духовенства была принята система майората: почти все семейное богатство, вакфы, которыми располагали ишаны, и само положение главы суфийской общины передавались старшему сыну, а остальные дети в обход шариатского права наследования получали немного (см.: Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954, с. 55—67).

¹⁷ Там же, с. 80.

¹⁸ См.: Петрушевский И. И. Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966, с. 174.

¹⁹ Таких документов немало среди изданного архива джуйбарских шейхов: Из архива джуйбарских шейхов. Л., 1954, № 225, с. 227; № 216, с. 223; № 99, с. 15; 151 и др.; № 97, с. 150; № 23, с. 106.

античных авторов о существовании в Иране обычая заключать браки внутри родственных групп». Исследователь высказывает положение, что «принцип эндогамии агнатических групп выпал... из доктрины Зороастра, но впоследствии, по мере распространения зороастризма в областях, где принцип этот превалировал, он был «канонизирован» и родственные браки стали даже приписывать Зороастру как одно из «предписаний человечеству»²⁰.

Это различие в обычаях индийцев и иранцев свидетельствует, что исчезновение родовой экзогамии произошло уже после того, как их далекие предки разделились и развивались в разных местах и в разных условиях. Зороастризм, сложившийся на базе еще более ранних религий и обычаев и вобравший в себя некоторые их элементы, передал их позднее народам, принявшим ислам, в том числе народам Средней Азии. Один из этих элементов, возникших при разложении родового строя и появлении семейной собственности на средства производства, надолго сохранился в виде семейно-родственной эндогамии.

Как уже упоминалось, эта форма брака была свойственна не только потомкам древних ираноязычных земледельческих племен — современным таджикам и близким им узбекам группы сарт, но и той части тюркоязычного населения Средней Азии, в хозяйстве которой большую, а иногда главную роль играло скотоводство, связанное на ранних этапах с традициями кочевого или полукочевого образа жизни. Одной из его особенностей в социальном аспекте было сохранение родо-племенного деления.

Вопрос о формах и причинах появления и консервации семейно-родственной эндогамии у описываемых групп не исследован. Можно лишь высказать некоторые общие соображения.

Несомненно, этот обычай имел своеобразные формы, возникшие вследствие того, что семейно-родственная эндогамия сочеталась в их быту с родо-племенной организацией. Это должно было вносить в бытовавшие у них формы брачных связей какие-то особенности, должны были существовать какие-то специфические причины, способствовавшие укреплению обычая браков в близкородственной среде.

Уже давно было высказано мнение, что для кочевых и полукочевых скотоводов большая семья была нехарактерна, она не соответствовала их хозяйственным интересам²¹. Правда, этот взгляд оспаривался, но остается фактом, что в то время как у оседлых земледельцев разделы семьи в прошлом происходили лишь в порядке исключения, в силу каких-нибудь особых обстоятельств (например, ухода сыновей в другие места на заработки и оседание там навсегда), у казахов малая семья стала господст-

вующей формой еще в прошлом веке²². Таков же был порядок и у некоторых туркменских групп²³. В Киргизии, хотя большая семья там бытовала и в сельском населении еще недавно составляла свыше 20%, этот факт исследователи объясняли не занятием скотоводством, а комплексностью хозяйства, в котором было необходимо разделение труда между членами многолюдной семьи: часть из них пасла скот, а другая — обрабатывала землю²⁴. Последними исследованиями установлено, что комплексность хозяйства была вообще характерна для тех народов Средней Азии, в экономике которых большое место занимало скотоводство.

Несомненно, бытование у кочевников обычая эндогамных браков обуславливалось теми конкретными условиями, в которых протекала их хозяйственная деятельность. У них имелась частная (вернее, семейная) собственность на землю, но самая важная для занятия скотоводством часть земельных угодий — пастбища была в общинном пользовании. Эта земля не подлежала наследованию, ей не угрожал переход из рук в руки. Видимо, при этих условиях важную роль в установлении или, может быть, заимствовании у соседних земледельческих групп обычая эндогамных браков играла забота о сохранении в семье, ранее в роде, самого основного и почетного для кочевника имущества — скота, нежелание отдавать его в чужие руки в качестве калыма, который у скотоводческого населения был некогда очень велик.

Следовательно, экономические причины, вызвавшие появление семейно-родственной эндогамии, были различны у этих двух резко отличавшихся по своему хозяйственному и бытовому укладу частей населения Средней Азии. Если земледельческое население преследовало цель избежать отторжения от семьи (рода) части имущества при наследовании его дочерью, то у скотоводов доминировало желание не допустить ухода имущества из семьи (рода) в качестве калыма. Но результат был один: девушку задерживали в роде или в семье, нарушая родовую экзогамию — основной брачный закон классического родового общества, у многих народов доживший в виде пережитка до наших времен.

Приведенные материалы показали, что почти у всех народов Средней Азии одну из национальных традиций составляли эндогамные браки, заключаемые в прошлом в очень узкой среде, иногда между членами одной неразделенной семьи. Исключение составляют пока лишь казахи и каракалпаки. Если говорить о процентном отношении эндогамных и экзогамных групп у населения Средней Азии, то, несомненно, значительно больший процент падает на эндогамные. Пробный подсчет, который сделал

²⁰ Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране.— ВДИ, 1968, № 3, с. 39, 40.

²¹ См.: Батраков В. С. Особенности феодализма у кочевых народов.— Научная сессия АН Узбекской ССР. Ташкент, 1947, с. 437, 439—440.

²² Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии.— КСИЭ, 1957, XXVIII, с. 29—30.

²³ Ниязлычев К. Туркмены-човдуры. Автореф. канд. дисс. М., 1968.

²⁴ Быт колхозников киргизских селений Дархап и Чычкан. М., 1958, с. 113—214.

в свое время М. С. Андреев, «показал огромный процент таких браков среди оседлого населения Средней Азии еще около полусотни лет тому назад»²⁵. Новые материалы показали распространение их и у тех групп населения данного региона, которые долгое время сохраняли традиции кочевого быта и родо-племенные деления.

Так как практика эндогамных браков осуществлялась из поколения в поколение, вопросом о влиянии этого фактора на наследственность следовало бы заинтересоваться антропологам. В этом аспекте эндогамные браки в научной литературе не исследовались. Неспециалист же, близко наблюдавший народный быт, может лишь отметить, что брачная практика среднеазиатских народов служит наглядным опровержением предвзятого, видимо, мнения, будто родственные браки обязательно ведут к вырождению. В Средней Азии таких последствий никто не наблюдал и не наблюдает. Семьи Средней Азии чрезвычайно многодетны. Может быть, вред от близкородственных браков парализовался самым ходом исторических и этногенетических процессов в этом регионе — постоянными приливами в Среднюю Азию самых различных этнических и расовых компонентов. Несмотря на традицию эндогамности, здесь под теми или иными влияниями в определенных исторических условиях происходило смешение пришлых этнических элементов с коренным населением, т. е. систематическое обновление его свежей кровью, притом от компонентов самого различного происхождения. Видимо, это и явилось причиной жизнеспособности народов Средней Азии, несмотря на многовековую практику родственных браков.

В наши дни этот обычай исчезает, хотя еще рано говорить о том, что он полностью изжит. Под влиянием пожилых людей, ревнителей старины, молодежь иногда бывает вынуждена подчиняться родителям, вступая в брак по их воле. Естественно, что в современных условиях такие браки нередко ведут к острым противоречиям внутри семьи, составленной без учета личных склонностей и особенностей.

Описанная и проанализированная нами традиция далеко не безобидна. Она — одно из звеньев цепи старых обычаев, задерживающих отмирание отсталых форм быта. Следование этому обычаю калечит судьбы отдельных молодых людей. Жизнь настоятельно требует окончательного изживания этой традиции.

Автору известна семья колхозника из селения, расположенного вблизи г. Самарканда. Он женил двух своих сыновей сразу же после окончания школы на их двоюродных сестрах, не спрашивая их желания. Сыновья не решились противоречить весьма уважаемому ими отцу. Личная их жизнь сложилась неудачно. Один из них получил высшее образование, а его жена

осталась с начальным и не проявляла желания учиться дальше. Интересы и духовная жизнь супругов совершенно разошлись. Семья сохраняется, потому что есть дети, но в ней нет согласия. Отец, боясь восстановить против себя родственников невестки, противодействовал разводу. Такая же судьба постигла и следующего сына. Только когда выяснилось, что и его семейная жизнь не удалась, отец не стал настаивать на женитьбе других своих сыновей на родственниках.

Конечно, сейчас такие семьи исключение. Все больше смешиваются путем браков люди из разных мест, принадлежащие не только к разным этническим группам одного народа, но и к разным народам.

Исчезновение традиции родственных браков прежде всего обусловлено тем, что неизмеримо расширились возможности общения между молодежью, не имеющей абсолютно никаких родственных связей. На городских промышленных предприятиях и в учреждениях, в учебных заведениях, в сельских коллективных хозяйствах, объединяющих теперь десятки кишлаков, в совхозах, возникших на новых, освоенных после революции землях, совместно работает и учится, встречается в клубах и театрах, на спортплощадках молодежь из самых разных мест, представители разных этнических групп и национальностей. Трудовая и экономическая самостоятельность юношей и девушек позволяет им, как правило, самим решать вопрос о браке. И родители, и другие старшие родственники, даже приверженцы старины, не могут не учитывать новых условий жизни и, нередко вмешиваясь в судьбу сына или дочери, активно подбирая им подходящую кандидатуру, все же принимают во внимание не степень родства, а общественное положение, степень образованности и общий культурный уровень как жениха и невесты, так и той семьи, с которой собираются породниться.

Тем не менее традиция родственных браков, особенно в сельских районах, еще существует, и родители используют весь свой авторитет, очень высокий в силу обычая и сложившейся в народе этики, чтобы подобрать пару своим детям среди родственников. Издавна сложившаяся родственная близость обеих семей облегчает жизнь молодых, по традиции в основном остающихся в доме родителей мужа, общность семейно-родственных навыков и привычек способствует установлению близости между молодыми супругами. Однако нередко случаются, как указывалось выше, когда такой принудительный выбор жениха или невесты, особенно если при этом ломаются уже сложившиеся с кем-то посторонним отношения, тяжело сказывается на молодой семье. Традиция, с одной стороны, считать желательным и возможным лишь брак в своей среде, а с другой — не перечить родителям, исполнять их волю еще не исчезла. Полное исчезновение отрицательных сторон этой традиции неизбежно, ибо они не соответствуют самому духу социалистического общества.

²⁵ Андреев М. С. К характеристике древних таджикских семейных отношений. — Известия Таджикского филиала АН СССР, Сталинабад, 1949, № 15, с. 8—9.